

Мобилизационная экономика или эффективное управление: взгляд историка

Mobilization Economics or Effective Management: Historian's View

В. А. Шамахов

Советник ректора РАНХиГС,
научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, главный редактор

История человечества — это история войн. Можно выделить войны случайные, ситуационные, династические. Но в большинстве случаев в основе военных конфликтов лежат объективные экономические и политические интересы. Первая мировая война началась не потому, что Франция решила вернуть Эльзас и Лотарингию, и даже не потому, что Россия решила помочь балканским славянам. Эти соображения имели место, но главное в том, что сформировавшийся континентальный блок европейских держав достиг пределов своей экспансии, и его дальнейшее расширение вступало в системное противоречие с интересами Великобритании и Франции. В начале XX века решался сложный вопрос: с кем окажется Россия? Весьма значительны были шансы на ее участие в блоке центральных держав, но во многом благодаря дипломатическому искусству Франции и займам в Великобритании ситуация сложилась иная. Однако еще раз подчеркнем главное: в основе конфликта лежали объективные противоречия. Делить мир было уже невозможно, его можно было лишь переделывать.

Нет возможности сослаться на весь массив классической литературы по данному вопросу, можно вспомнить одну книгу — «Августовские пушки» Барбары Такман. Одно из важнейших положений данной работы заключается в том, что она доказала нежелание великих держав втягиваться в долгосрочный многолетний конфликт и уверенность не только политиков, но и военных, в том, что цели войны будут достигнуты к Рождеству. То есть вся война уложится в полгода. Результат нам известен. События, предшествующие Первой и Второй мировым войнам, сравнивать достаточно сложно, отметим лишь то, что Германия, завоевав почти всю Европу без особой спешки и последовательно примерно за полтора года, рассчитывала на победу над Советским Союзом в рамках летней–осенней кампании.

И в первом, и во втором случае стороны готовились к конфликту, предполагали, что он будет достаточно серьезным, но степень мобилизационной готовности оказалась далекой от необходимой участникам конфликта. Иными словами, подтвердилась максима, известная со времен греко-персидских и пунических войн. Более сильная сторона, затянув мобилизационную подготовку, может обратиться к лозунгу «Ганнибал у ворот» и в конечном счете победить.

Можно ли сказать, что Российская империя 1913/1914 г. не готовилась к войне? Конечно же нет. Однако и качественно, и количественно эта подготовка не была адекватна тем испытаниям, которые связаны с Первой мировой войной. О неготовности России сказано очень много, и существенно меньше написано историками о том, что к 1916 г. большинство проблем военно-мобилизационного характера были решены в условиях традиционной политической системы и рыночной экономики. Да, через испытания и приспособление в 1914–1915 гг., но к концу 1916 г. постепенно уходит в прошлое знаменитый «снарядный голод». Снарядов, накопленных для Первой мировой войны, хватило на всю гражданскую и даже немного осталось на начальный период Великой Отечественной.

Какой ключевой вывод дает нам обращение к историческим аналогиям? Россия медленно переходит от состояния «мы еще не начинали» к реальному и многоуровневому ответу на новые угрозы. Сомнений в победе нет, но вот длину пути к ней пока измерить трудно. Опыт исторических аналогий не дает оптимистического ответа.